

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
ПОХВАЛА/НАКАЗАНИЕ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»)**

*Научный руководитель: Будько И. В., канд. филол. наук, доцент
Белорусский национальный технический университет
Минск, Республика Беларусь*

Аннотация

В статье анализируются языковые средства выражения похвалы / наказания ребенка в романе И. А. Гончарова «Обломов». На основе исследования делается вывод о специфике воспитания ребенка в дворянских семьях в XIX в.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексема, вариант, коннотация, семантика, функциональный аспект, похвала, наказание

Zhan Qiming, Budzko I. V.

**LEXICO-SEMANTIC FIELD OF PRAISE / PUNISHMENT
IN THE RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE
OF THE XIX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF
I. A. GONCHAROV'S NOVEL "OBLOMOV")**

*Scientific Supervisor: Budzko I. V., Associate Professor,
Candidate of Sciences in Philology
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus*

Abstract

The article deals with the specifics of the functioning of linguistic units that reflect the lexical-semantic field of praise / punishment in I. A. Goncharov's novel «Oblomov». It follows from the analysis that the

semantics of this field reflects the specifics of the upbringing process adopted in noble families in the 19th century.

Keywords: lexical-semantic field, lexeme, variant, connotation, semantics, functional aspect, praise, punishment

Лексико-семантическое поле представляет собой совокупность слов и отдельных элементов значений слов, объединенных одним понятийным смыслом.

В языкознании полевой метод в зависимости от целей исследования может находить воплощение в лексическом поле, функционально-семантическом поле, синтаксическом поле и т.п. [1, с. 11]. Лексико-семантическое поле представляет собой «единство смыслов», а не совокупность единиц, отобранных по формальному признаку, и в этом его конкретное отличие от тематической группы лексики, при исследовании которой во главу угла, как правило, ставится формальный критерий.

По современным представлениям филологов лексико-семантическое поле – это совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи. Лексико-семантическое поле характеризуется рядом признаков системности как в синхронном плане (семантическая соотносительность лексем, «делящих» поле между собою, наличие гипонимов и гиперонимов), так и в генетическо-диахроническом плане) [2, с. 185].

Для анализа представляется лексико-семантическое поле похвала/наказание. Материал выбран из романа И. А. Гончарова «Обломов». Собственно только из одного его фрагмента – «Сон Обломова» [3, с. 125-171], поскольку именно в нем идет рассказ о детских годах главного героя, проведенных вдали от шумных столиц и сформировавших личность Обломова.

В качестве ядра данного лексико-семантического поля выступают лексемы, общим элементом семантики которых являются коннотации ‘воспитывать, растить, вскармливать’: *кормить, накормить, расти, смотреть (за ребенком), выходить (выходить ребенка), преподать (норму), лелеять (лелеемый как экзотический цветок в теплице), заботиться (нежная заботливость родителей), рождаться (ребенок родился), справить обряды (над ребенком),*

крестины, ухаживать (заботливое ухаживание), выходить (здоровенького ребенка), поставить на ноги и под. Из номинаций, отражающих названия лиц по родственным признакам, в романе отмечены следующие: *родители* (в сочетании *нежные родители*), *дедушки, прадедушки, маменька, батюшка, мальчик, маленькие дети*:

Норма жизни была готова и **преподана** им родителями, а те приняли ее, тоже готовую, от бабушки, а бабушка от прабабушки, с заветом блюсти ее целостность и неприкосновенность, как огонь Весты [3, с. 150].

Как только рождался ребенок, первую заботой родителей было как можно точнее, без малейших упущений, справиться над ним все требуемые приличием обряды, то есть задать после крестин пир; затем начиналось **заботливое ухаживанье** за ним. Мать задавала себе и няньке задачу: **выходить здоровенького ребенка, беречь** его от простуды, от глаза и других враждебных обстоятельств. Усердно хлопотали, чтоб дитя было всегда весело и кушало много [3, с. 151].

Только лишь **поставят на ноги** молодца, то есть когда нянька станет ему не нужна, как в сердце матери закрадывается уже тайное желание приискать ему подругу — тоже поздоровее, порумянее [3, с. 151].

... няня... бодро **смотрела за ребенком**, не пускала далеко от себя, **строго ворчала** за резвость ... [3, с. 139–140].

ПОХВАЛА

Для выражения семантического объема данного поля употребляются следующие языковые средства: уменьшительно-ласкательные формы (преимущественно у прилагательных); глагольные номинации типа *осыпать поцелуями, ласкать, приласкать, осыпать ласками и похвалами, лелеять, обнимать, целовать* и под.; а также формами именных частей речи, часто представленных уменьшительно-ласкательными формами с соответствующими формантами (*хорошенький, красненький, полный, кругленький, щечки, глазки, маменька, душенька, батюшка, головка, ножки, Илюша, баловник, шалун, барчонок*):

Какой он **хорошенький, красенький, полный!** Щечки такие **кругленькие**, что иной шалун надуется нарочно, а таких не сделает [3, с. 133].

Мать **осыпала его страстными поцелуями**, потом осмотрела его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли **глазки**, спросила, не болит ли что-нибудь, расспросила няньку, покойно ли он спал, не просыпался ли ночью, не метался ли во сне, не было ли у него жару? [3, с. 133].

- Мы, **маменька**, сегодня пойдем гулять? — вдруг спрашивал он среди молитвы. — Пойдем, **душенька**, — торопливо говорила она, не отводя от иконы глаз и спеша договорить святыя слова. [3, с. 133].

Весь этот штат и свита дома Обломовых подхватили Илью Ильича и начали **осыпать его ласками и похвалами**; он едва успевал утирать следы непрошенных **поцелуев**. После того начиналось **кормление** его булочками, сухариками, сливочками. Потом мать, **приласкав** его еще, отпускала гулять в сад, по двору, на луг, с строгим подтверждением няньке не оставлять ребенка одного, не допускать к лошадям, к собакам, к козлу, не уходить далеко от дома, а главное, не пускать его в овраг, как самое страшное место в околотке, пользовавшееся дурною репутацией [3, с. 134].

- Отчего это, няня, тут темно, а там светло, а уже будет и там светло? — спрашивал ребенок.

- Оттого, **батюшка**, что солнце идет навстречу месяцу и не видит его, так и хмурится; а уж как завидит издали, так и просветлеет репутацией [3, с. 135].

Он к воротам, но из окна послышался голос матери: - Няня! Не видишь, что ребенок выбежал на солнышко! Уведи его в холодок; напечет ему **головку** — будет болеть, тошно сделается, кушать не станет. Он этак у тебя в овраг уйдет! [3, с. 13–136].

Ребенок тут, подле **маменьки**: он вглядывается в странные окружающие его лица, вслушивается в их сонный и вялый разговор [3, с. 141].

Мать возьмет голову **Илюши**, положит к себе на колени и медленно расчесывает ему волосы, любуясь мягкостью их... [3, с. 142].

У него был свой сын, Андрей, почти одних лет с Обломовым, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдал золотухой, все детство проходил постоянно с

завязанными глазами или ушами да плакал все втихомолку о том, что живет не у бабушки, а в чужом доме, среди злодеев, что вот его и **приласкать**-то некому и никто любимого **пирожка** не испечет ему [3, с. 148].

Может быть, **Илюша** уж давно замечает и понимает, что говорят и делают при нем: как батюшка его, в плисовых панталонах, в коричневой суконной ваточной куртке, день-деньской только и знает, что ходит из угла в угол, заложив руки назад... [3, с. 148].

Ребенка ли выходить не сумеют там? Стоит только взглянуть, каких розовых и увесистых купидонов носят и водят за собой тамошние матери. Они на том стоят, чтоб дети были **толстенькие, беленькие и здоровенькие** [3, с. 150].

А бедный **Илюша** ездит да ездит учиться к Штольцу. Как только он проснется в понедельник, на него уж нападает тоска. Он слышит резкий голос Васьки, который кричит с крыльца: — Антипка! Закладывай пегую: **барчонка** к немцу везти! Сердце дрогнет у него. Он печальный приходит к матери. Та знает, отчего, и начинает золотить пилюлю, втайне вздыхая сама о разлуке с ним на целую неделю. Не знают, чем и накормить его в то утро, напекут ему **булочек и крендельков** ... [3, с. 166].

И **нежные родители** продолжали приискивать предлоги удерживать сына дома. За предложениями, и кроме праздников, дело не ставало. Зимой казалось им холодно, летом по жаре тоже не годится ехать, а иногда и дождь пойдет, осенью слякоть мешает [3, с. 167–168].

Подчас **нежная заботливость** родителей и надоедала ему [3, с. 170].

И **Илюша** с печалью оставался дома, **лелеемый**, как экзотический цветок в теплице, и так же, как последний под стеклом, он рос медленно и вяло [3, с. 170].

НАКАЗАНИЕ

В данном литературном произведении, исходя из общей авторской задумки, главного героя не наказывали и не критиковали в принципе, когда он был маленьким. Поэтому критика в его адрес выглядела, скорее, как поощрение. В то же время сцены наказания детей, находящихся в услужении, достаточно ярко присутствуют на страницах романа.

Для выражения лексико-семантического поля наказание в романе использованы следующие языковые номинации: *кричать, строго ворчать, чинить правосудие, за волосы, за уши, подзатыльника* (при пропущенных глаголах типа *таскать, давать, драть*), *пригрозить*, сказанные, в основном, в адрес простых деревенских детей, находящихся на службе в доме Обломовых:

... няня... **строго ворчала** за резвость... [3, с. 139-140].

За ними кинулись, хватая их за пятки, две собаки, которые, как известно, не могут равнодушно видеть бегущего человека. Люди с криками, с воплями, собаки с лаем мчатся по деревне. Наконец набежали на мальчишек и начали **чинить правосудие: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили** и отцам их [3, с. 171].

В адрес главного героя мы встречаем только ненавязчивое *предостережения*:

Ребенок не дождался **предостережений** матери: он уж давно на дворе [3, с. 134].

Также достаточно мягкой критикой выглядят номинации, сказанные в адрес главного героя: *сударь, постреленок, лукавый мальчишка, баловень, баловство, барчонок*:

- У, **баловень!** Скоро ли **провалишься** к своему немцу? [3, с. 136].

Лукавый мальчишка здоровехонек, но молчит [3, с. 167].

Нечего делать, отец и мать посадили **баловника** Илюшу за книгу. Это стоило слез, воплей, капризов [3, с. 148].

Обломовы старались, впрочем, придать как можно более законности этим предлогам в своих собственных глазах и особенно в глазах Штольца, который не щадил и в глаза и за глаза *доннерветтеров* за такое **баловство** [3, с. 168].

Потом уже овладели **барчком**, окутали его в захваченный тулуп, потом в отцовскую шубу, потом в два одеяла и торжественно принесли на руках домой [3, с. 171].

В качестве обращения к главному герою постоянно функционирует ласковое *Илюша*, в то же время к крестьянским детям обращались пренебрежительно: *Захарка, Антипка, Васька, Митька, Ванька*, употребляя

- А ты, **Захарка, постреленок**, куда опять бежишь? — **кричал** потом. — Вот я тебе дам бегать! Уж я вижу, что ты это в третий раз бежишь. **Пошел** назад, в прихожую! [3, с. 137].

И не удастся никак Илье Ильичу сделать что-нибудь самому для себя. После он нашел, что оно и покойнее гораздо, и сам выучился покрикивать: «Эй, **Васька! Ванька!** подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! **Сбегай, принеси!**» [3, с. 170].

А в доме гвалт: Илюши нет! Крик, шум. На двор выскочил **Захарка**, за ним **Васька, Митька, Ванька** — все бегут, растерянные, по двору [3, с. 171].

Употребляется в адрес главного героя и номинация *юла* — метафорическое наименование его, отражающее подвижность и неугомонность ребенка в раннем детстве, что жителями Обломовки воспринималось как негативная черта характера

«Влезет, ах, того и гляди, влезет эта **юла** на галерею, — думала она почти сквозь сон, — или еще... как бы в овраг...» [3, с. 140].

- Ах ты, господи, что за ребенок, за **юла** за такая! Да посидишь ли ты смирно, **сударь?** **Стыдно!** — говорила нянька [3, с. 135].

Для выражения возмущения со стороны взрослых, недовольных поведением ребенка, использовались синтаксические конструкции типа *Ах ты господи! Стыдно! У, баловень! Ах, Ах! Стой, стой! Как можно?* Частице *не* в сочетании с императивными формами глаголов: *Не бегай, не ходи, не отворяй.*

- Пойдем, мама, гулять, — говорит Илюша. - **Что ты, бог с тобой!** Теперь гулять, — отвечает она, — сыро, ножки простудишь; и страшно: в лесу теперь леший ходит, он уносит маленьких детей. - Куда он уносит? Какой он бывает? Где живет? — спрашивает ребенок [3, с. 143].

Побежит ли он с лестницы или по двору, вдруг вслед ему раздаются в десять отчаянных голосов: «**Ах, ах!** Поддержите, остановите! Упадёт, расшибётся... **стой, стой!**» Задумает ли он

выскочить зимой в сени или отворить форточку — опять крики: «**Ай, куда? Как можно? Не бегай, не ходи, не отворяй: уььешься, простудишься...**» [3, с. 170].

Каждая единица лексикона связана с другими единицами многочисленными отношениями, что обуславливает необходимость изучения лексики в виде целостных систем. Семантическое поле является тематической группой слов, объединенных общей семантической темой. Понятие семантического поля было введено с целью описания лексики как системы. При изучении лексики классификацию необходимо производить прежде всего по тематическому принципу, собственно говоря, именно так подразделяется лексика в лингводидактических целях при преподавании иностранного языка. Семантические поля являются лингвокультурологически ценными единицами, которые принадлежат одновременно языку и культуре, т.е. отражают особенности данного языка и специфику данной культуры и образуют компоненты национальной картины мира.

Список использованных источников

1. Швайко, Я. В. Семантическая модель английских глаголов обучения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Я. В. Швайко; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2006. – 22 с.
2. Эгамназаров, Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике / Х. Х. Эгамназаров. // Учёные записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. — 2018. — №1(54). — С. 185—189.
3. Гончаров, И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – М.: Художественная литература, 1979. – 560 с.